

Александр Бушкову — с признательностью

Все происходящее в романе — плод авторской фантазии, возможные совпадения с реальными событиями и людьми абсолютно случайны.

ПРОЛОГ

Ксения сладко потянулась и неожиданно для себя рассмеялась. Похоже, хандра, обуявшая ее после нескольких очевидных проколов и нудных разборок с начальством, наконец оставила Ксению в покое.

Она подпрыгнула несколько раз на месте. Когда-то в детстве ей казалось, что так она быстрее подрастет, теперь же просто проверила эластичность мышц. Сделав пару энергичных взмахов руками, спрыгнула с крыльца, минуя ступеньки. И отметила про себя, что для своих сорока проделала это не менее лихо, чем ее Катька.

Запрокинув голову, Ксения посмотрела на окна мансарды, где спала ее восемнадцатилетняя дочь, Екатерина Афанасьевна Остроумова, вернувшаяся с деревенской дискотеки далеко за полночь. И, судя по количеству децибел, свалившихся среди ночи на уши ее бедной матери и бабушки, давно привыкшей к внучкиным проделкам, Катьку провожало не меньше десятка местных кавалеров на своих давно забывших о глушителях, ры-

чащих и плюющихся выхлопными газами механических чудовищах о двух колесах.

Несмотря на прерванный сон и небольшой воспитательный скандал с Катькой, Ксения не изменила давней привычке и поднялась до восхода солнца, чтобы пробежаться по уходящей круто в гору лесной тропе. Та начиналась сразу за огородами, примыкавшими к забору дачи, резво взбегала на песчаный увал, с которого открывался удивительный вид на заречные луга, редкие перелески и вырастающие прямо из облаков далекие громады гор.

Ксения оглянулась на стену соснового бора за спиной.

Он окружал село с трех сторон, и сейчас верхушки деревьев розовели в лучах восходящего солнца. Где-то, в самой глубине леса, робко и глуховато прокуковала кукушка. Вслед ей негодуяще прокричала сорока и, снявшись с куста, ринулась с увала вниз к огородам, где уже виднелись спины неугомонных соседок, решивших до того, как день разгуляется, выполоть первые сорняки на грядках.

Ксения вдохнула полной грудью свежий, настоящий на молодых травах воздух. Кожа на обнаженных до локтя руках покраснела от утреннего холодка. А стоило ей остановиться, он тут же пробрался под футболку и точно ожег кожу. Ксения зябко поежилась и, чтобы согреться, ускорила шаг.

Хорошо натопанная, усыпанная сухой хвоей тропа вилась меж прямых, как свечки, сосен. Первые солнечные лучи едва пробивались сквозь густой подлесок, словно язычки пламени мелькали в траве марьяны коренья и редкие куртины жарков — до них еще не добрались жадные руки ребятни, всюю торгующей цветами на автобусной остановке и вдоль трассы. Надо сказать, что цветочная продукция шла нарасхват. Ксения тоже иногда покупала букетики стиснутых в плотный пучок цветов.

Но то были незабудки. Ксения освобождала их от

стянувшей стебли резинки, расправляла и опускала в широкую вазу, так что цветы почти плавали в воде. Крошечные капельки бирюзы, окаймленные зеленью листьев, были чудо как хороши на фоне белоснежной скатерти.

Незабудки Ксения любила с детства. По весне стоило только пригреть солнцу, как пойменные луга затягивало нежной голубизной. Девушки плели из них венки на Троицу и в ночь на Ивана Купалу, а потом опускали на воду, чтобы узнать, сбудутся ли их тайные мечты о счастье. Венки уплывали, а вслед за ними уплывали и терялись вдали робкие девчоночьи надежды. И все равно школьницей Ксения исправно собирала незабудки, и плела венки, и мечтала... слишком много мечтала, чтобы этому суждено было сбыться. Но незабудки всегда стояли на ее письменном столе с самой весны до первых осенних заморозков. Не подснежники, не жарки, не ромашки, а именно незабудки — скромный подарок сибирского лета.

Ксения присела на низенький пенек и вытянула вперед руку с кедровыми орехами на ладони. Тотчас крупная рыжевато-пепельная белка скользнула вниз по стволу ближайшей сосны. Оказавшись на земле, она смело приблизилась к руке и, ловко подхватывая передними лапками с ладони Ксении орехи, принялась запикивать их за щеку. За этим занятием зверек не забывал то и дело поглядывать в сторону дерева. И вскоре двое бельчат вслед за мамашей приблизились к пеньку и суетливо забегали неподалеку, выказывая тихим свистом возбуждение от предчувствия близкого завтрака.

Женщина протянула ладонь в их сторону. Бельчата тут же отскочили в сторону, замерли в настороженной стойке с поднятыми вверх головками, испуганно поблескивая глазенками-бусинками. Тогда Ксения поднялась с пенька и высыпала на него остатки орехов.

Белка в компании со своим потомством тут же юркнула в траву. Ксения засмеялась. Все равно вернуться, и

через секунду после ее ухода на пеньке даже запаха орехов не останется.

Она пошла в гору чуть медленнее — начался самый крутой участок подъема. Здесь тропу, словно вздувшиеся вены, пересекали корни сосен, более разлапистых и коренастых, чем те, что росли у подножия увала.

Перепрыгивая через корни и редкие камни, Ксения одновременно считала пульс. Хорошо, уже не зашкаливает за сотню ударов в минуту, как в старые добрые времена, а бьется в режиме девяноста. А если учесть, что сегодня она двигалась в более быстром темпе, чем неделю назад, сразу после возвращения в Григорьевку, то и отлично! Здесь, на берегу Енисея, рядом со старыми крайкомовскими дачами, вознеслась «Сиротская слобода» — целый городок богатых особняков, на фоне которых добротная двухэтажная дача ее матери — Клавдии Михайловны Потехиной, бывшего председателя партийной комиссии крайкома партии, смотрелась, по словам хозяйки, не иначе как хижинкой дяди Тома.

На жалобы Клавдии Михайловны по поводу убогости своего жилища, которое она по привычке называла «дачей», ни Ксения, ни Катька внимания не обращали. Дочь — по причине нечастых приездов домой, когда особо нуждалась в отдыхе и тишине. Внучка редкие визиты бабушкиных друзей полностью компенсировала за счет собственных — громкоголосых молодых людей с непомерными амбициями и длинноногих девиц со слабым намеком на интеллект...

Задумавшись, Ксения не заметила, как тропа взлетела на вершину и затерялась среди камней, покрытых розовым ковром из цветущего чабреца. Здесь она обычно сбрасывала футболку и делала зарядку, совершенно не заботясь о том, что кто-то увидит ее обнаженной. «Сиротская слобода» спала чуть ли не до полудня, и за все время пребывания в Григорьевке Ксения так и не увидела никого из местных обитателей в этот час на тропе, которую давным-давно избрала для пеших прогулок.

Утренние процедуры обычно заканчивались умыванием в ручье, берущем свое начало где-то в камнях.

Противоположная сторона увала была более пологой и менее лесистой. Она заросла мелким кустарником и была загромождена плитами желтого песчаника. Их Ксения перемахивала на бегу, надеясь, что со стороны это выглядит достаточно грациозно. Профессиональная привычка постоянно видеть себя глазами других частенько мешала ей наслаждаться жизнью в полной мере. Но, с другой стороны, жесткий контроль за внешностью и эмоциями позволял ей чувствовать себя чуть ли не ровесницей дочери. По крайней мере, в ее майки и джинсы Ксения влезла бы без особых осложнений, не будь Катерина на добрую голову выше своей мамы.

Хорошее настроение превращалось в отличное. Представив на секунду физиономию продюсера своей программы, Ксения раскрутила над головой майку и, расхохотавшись, прибавила скорости. Видел бы Егор, как она мчится по склону с голой грудью и в едва заметных на загоревшем до черноты теле трусиках! Ей захотелось крикнуть во весь голос что-нибудь веселое, лихое, и она ничуть не удивилась возникшему вдруг восторгу. Просто сегодня ей приснился удивительный сон.

Она не помнила его, только чувствовала отчего-то необыкновенное счастье. Это ощущение так долго не посещало ее! Видно, особых причин для его визитов не было.

Майка внезапно зацепилась за куст, и Ксения едва не растянулась на камнях, успев представить, сколько ссадин и синяков продемонстрирует в первую же ночь Егору. За три дня, оставшихся от отпуска, они только-только расцветут во всей красе.

Она выругалась и потянула майку на себя. Та не поддавалась, а рвануть сильнее значило оставить на шипах боярышника большую часть своего утреннего наряда.

Ругаясь, теперь уже шепотом, Ксения полезла в самую гущу кустарника и принялась осторожно снимать зацепившийся рукав футболки с колючек. Об одну из

них она не преминула уколоть палец и, слизнув с него капельку крови, подумала, что даже эта мелкая неприятность не способна испортить ей настроение.

Но новое испытание в виде звука раздавшихся за спиной шагов заставило Ксению застыть на месте от ужаса. Человек поднимался снизу, из легкого облака тумана, нависшего над ложбиной, отделявшей увал от села. Вернее, он бежал вверх по склону, что-то насвистывая себе под нос и перепрыгивая с камня на камень, точь-в-точь как Ксения за пару минут до этого.

«О, Матерь Божья! — подумала она, притягивая к себе футболку и пытаясь хоть как-то прикрыть грудь. — Кого тут носит в такую рань?»

Повернувшись спиной к тропе, она молила бога, чтобы человек пробежал мимо, не заметив ее.

Она всегда боялась нелепых ситуаций и вовсе не желала оказаться жертвой насмешек или злорадных ухмылок.

Но мужчина, похоже, уже притормозил за ее спиной, и она не выдержала, оглянулась, изо всех сил презируя себя за робкую, почти заискивающую улыбку, которую ей так и не удалось согнать с лица.

— Физкультпривет! — неожиданно для себя проблеяла она.

Но мужчина не ответил, лишь молча окинул ее равнодушным взглядом, вытер висевшим на шее полотенцем пот с лица. И, не проронив ни слова, помчался дальше по тропе.

Ксения с остервенением дернула футболку, оставила часть рукава колючкам, остальное напялила на себя. Ее трясло от злости. И вовсе не оттого, что предстала перед незнакомцем в нелепом виде, а потому, что впервые в жизни не увидела в мужских глазах восхищения. Хоть бы пошутил над ее растерянностью, пусть даже самым неприличным образом. Такое она бы перенесла и ответить сумела бы нужным образом! Но этот негодяй, похоже, через пару метров уже забыл о ее существовании. Иначе бы оглянулся, и не один раз, как делали все муж-

чины, которых она встречала в жизни, даже случайные прохожие, даже нищие в метро...

Сердито бормоча себе под нос ругательства, Ксения быстрым шагом спустилась к мостику через ручей, который превратился на дне ложбины в неширокую, но бурную речушку. И уже через четверть часа поднималась на крыльцо веранды, только тогда осознав, что совершенно не помнит лица невежи, который даже поздороваться не соизволил. Лучше всего она запомнила его спину, загорелую и мускулистую. Именно такие спины она терпеть не могла.

Было что-то нарочито искусственное в этих, словно из анатомического атласа, рельефно выступавших и перекатывавшихся под кожей мышцах. «Наверняка местный тупой качок, — подумала она с удовлетворением и мстительно добавила, про себя естественно: — К тому же, как и вся эта братия, импотент!» Хотя интуиция ей подсказывала, что с последним определением она несколько поторопилась.

Ксения нагнулась и подняла со ступенек слегка увядший букет полевых цветов, усмехнулась. Кто-то из Катькиных кавалеров расстарался. Налив воды в вазу, она поставила в нее цветы и присела на веранде в плетеное кресло, позволив себе минутную передышку перед тем, как отправиться в душ.

Какое-то странное чувство не давало ей покоя с первого момента встречи с незнакомцем. Оно тревожило ее и мешало сосредоточиться.

Ксения попыталась расслабиться и перевести мысли в другое русло. Она выглянула в окно. Крупный, с обмороженными ушами и круглой сытой физиономией кот по кличке Сенька сидел на крыше беседки и безмятежно щурился на солнце. Всем своим видом он демонстрировал лень и полное равнодушие к окружавшей его действительности. Но как-то раз Ксении удалось наблюдать, как он охотился на воробьев, сбивая их на лету лапой. Поэтому об умении Сеньки прикидываться про-

стачком и чуть ли не инвалидом в угоду инстинктам она знала не понаслышке.

— Ксюша, завтракать будешь? — подала голос из своей спальни Клавдия Михайловна. — Пирожки на кухне, под полотенцем...

— Хорошо, мама, обязательно позавтракаю, но чуть позже, — отозвалась дочь.

Она хотела добавить, что будет сегодня работать над сценарием до наступления жары, но не успела. Кот потянулся, демонстрируя черную, как антрацит, спину. Мелькнула белая манишка, и Ксения вдруг подавилась словами.

Она вспомнила, что обеспокоило и поразило ее в облике незнакомца — белая прядь на фоне темных, очень коротко стриженных волос...

ГЛАВА 1

После захода солнца жара по-прежнему была невыносимой. О кондиционерах здесь, видно, не слышали, а старый вентилятор, подвешенный к потолку, просто гонял горячий сухой воздух по комнате, отчего обслуга и немногочисленные посетители бара чувствовали себя одинаково плохо. Даже вездесущие мухи отупели от жары и не летали, а вяло плюхались с потолка прямо в бокалы с пивом и вином. А те, что вздумали полетать, натыкались на стены и падали на пол в коматозном состоянии.

Их мрачное жужжание было под стать местным заунывным мелодиям и очень соответствовало ее гнусному от усталости и жары настроению.

Ей безумно хотелось минеральной воды с ломтиком лимона, пронзительно холодной — чтобы ломило зубы. Но вместо этого приходилось довольствоваться смахивавшей по вкусу на жидкое мыло пепси-колой. И даже сдобренная коньяком, она категорически не хотела улучшать свой вкус. Коньяк был «самопалом», как и ос-

тальные напитки в баре, которые ребятам ее съемочной группы удалось перепробовать за неделю пребывания в Ашкене.

Еще ей хотелось прохладную ванну с шалфеем или лавандой, удобный матрац и белоснежные простыни... Но все это осталось за тысячу километров, в далекой московской квартире. А здесь ее ждала еще одна жуткая ночь в ашкенской гостинице «Мургаб».

В этой крошечной, едва заметной на карте горной стране и в былые-то времена жилось несладко. Лет десять назад Ксения останавливалась в этой гостинице, и уже тогда ее поразили грязь и убогость номеров. Сейчас все изменилось, только в худшую сторону. Конечно, можно пережить и ветхие полотенца, которые выдают в единственном экземпляре, и падавшую на постель штукатурку, и отсутствие пары стекол в оконной раме, и тонкую ржавую струйку воды, и горевшие откровенной ненавистью взгляды горничных...

Но больше всего Ксению раздражало, что в Ашкене в одночасье «забыли» русский язык, и со всеми, даже с чиновниками, приходилось объясняться на дикой смеси местного диалекта, русского мата и нескольких английских фраз вроде «о'кей!» и «ноу проблем!».

Оператору Володе и Олегу, режиссеру ее авторской программы «Личное мнение», было искренне наплевать и на грязные простыни, и на мрачные физиономии прислуги. Им было с чем сравнивать. Целый месяц они провели на Ближнем Востоке, правда, в команде с другим тележурналистом, ее сотоварищем по программе Сережей Кунцевым. Ее же Егор попросил не беспокоиться, объяснив, что Интифада не для нежной женской психики. Ксения обиделась, пыталась возразить, но ее, в порядке компенсации, отправили во Францию на всемирную выставку, где она чуть было не влюбилась в английского журналиста с труднопроизносимой фамилией Никлдортер. Но любовь расстроилась не начавшись, потому что Ксению спешно затребовала Москва. Всенародно избранный на второй срок президент ма-

ленького Баджустана, столицей которого и был Ашкен, дал согласие на съемки фильма о его республике, но при условии, что этим займется Ксения Остроумова, дочь его бывшей однокурсницы по ВПШ.

Конечно, все прекрасно понимали, что в нищей, разоренной бесконечными междоусобными войнами и правительственными переворотами мусульманской стране вряд ли позволят снимать то, что заблагорассудится приглашенным телевизионщикам. Но Ксения помнила дядю Фархата, веселого, толстого, усатого. Помнила, как хотя бы раз в год он обязательно заваливался к ним домой с парой огромных дынь под мышкой и с корзиной винограда, гранатами и таявшими от одного прикосновения языка медовыми грушами. Поэтому и согласилась на эту predetermined неудачу, лишь самую малость надеясь на то, что дядя Фархат остался прежним — громкоголосым и шумным, теперь уже бывшим секретарем обкома, который смеялся по поводу и без повода, дарил матери шитые золотом парчовые халаты, а Ксюше — очередную тубетейку, тапочки с причудливо загнутыми носками или затейливые серебряные браслеты в виде змеи и вытянувшегося в прыжке барса. Благодаря ему она полюбила серебро и с тех пор предпочитала его другим благородным металлам.

Она не видела дядю Фархата восемь лет и вряд ли бы узнала, если бы прямо с аэродрома всю их группу не привезли прямо во дворец, чтобы представить президенту Фархату Арипову...

Ксения, сильно переживавшая из-за слипшихся от жары волос, превративших прическу непонятно во что, и промокшей от пота майки, была приятно удивлена приглашением принять ванну и переодеться, прежде чем предстать пред ясны очи дяди Фархата.

Володя и Олег по ее примеру называли Арипова «дядей» и были несказанно удивлены, когда их к президенту не допустили, а велели дожидаться Ксению в одной из комнат в компании двух бритоголовых телохранителей в европейских костюмах и с японскими рациями в

руках. Таким образом власть Баджустана давала понять, что хотя российских журналистов и пригласили в республику, но делать, то есть снимать, позволяют только то, что позволяют.

Во-первых, к ним сразу приставили охрану и переводчика Керима, который каждый вечер, не стесняясь, заявлял о необходимости сбросить объективку по итогам дня и избавлял их на некоторое время от своего назойливого внимания.

Во-вторых, им не позволили отправиться в горы для встречи с лидером оппозиции Сулейменом Рахимовым, хотя этот пункт был непременным условием договора. Иначе руководство телекомпании не дало бы согласия на поездку съемочной группы в Баджустан. Им просто сказали, что Рахимов, кажется, погиб недавно в горах, и, кажется, при сходе лавины...

В-третьих, им разрешили проводить съемки только по заранее утвержденному президентской администрацией плану, отступать от которого было нельзя.

Кроме переводчика, съемочную группу всегда сопровождал кто-нибудь из пресс-службы, телохранители и еще один совсем уж незаметный человечек с острыми рысьими глазками. Он выступал в роли грузчика, но почему-то носил под курткой оперативную кобуру, и наверняка не с газовым пистолетом.

— Шаг влево — побег, шаг вправо — расстрел! — мрачно пошутил оператор, когда их ознакомили с правилами пребывания на территории суверенного государства Баджустан.

— А прыжок — провокация, — уныло добавил Олег.

Но Ксении было не до шуток. Командировка заканчивалась, отснятый материал был откровенной туфтой. Она представляла, с каким недоумением посмотрят на нее Егор и генеральный продюсер телекомпании Савва Крычев и как обрадуются ее проколу явные и тайные недоброжелатели.

«Личное мнение» и так держалось всего лишь на слове Егора и авторитете Ксении. И никому не было дела,

каким образом она будет поднимать рейтинг своей программы. Баджустан мог вознести ее на вершину успеха, как Сережу Кунцева — Ближний Восток. Но судьба-злодейка в очередной раз сыграла злую шутку, и даже близкое знакомство с Фархатом Ариповым не помогло Ксении сделать искренний и правдивый фильм о событиях в Баджустане. Ей просто не позволили быть искренней и правдивой.

Конечно, они видели и снимали восстановленные школы, бившие в центре города фонтаны, заваленные продуктами магазины, абитуриентов местного университета. Но более всего запечатали на пленке самого президента. Фархат Арипов был повсюду: то он беседовал с аксакалами из далекого аула, то красовался в кадре верхом на горячем аргамаче, а то лично поздравлял молодоженов или сажал дерево при закладке парка своего имени...

А ведь был и другой Баджустан, где расстреливали или забивали до смерти камнями без суда и следствия за любое проявление инакомыслия, где женщины вновь надели паранджу, где героин в открытую меняли на муку и сахар, где родители вынуждены были продавать старшего ребенка в рабство, чтобы прокормить остальных мал мала меньше. И десятилетнюю девочку видели, которую отдали четвертой женой местному криминальному авторитету, только что с небывалым даже для Средней Азии размахом отпраздновавшему свое шестидесятилетие...

Ксения прекрасно понимала, что фильм окажется полнейшим дерьмом и у нее будут крупные неприятности с руководством, но что-то изменить было не в ее силах. И она махнула на все рукой, предоставив событиям идти своим чередом.

Уже несколько дней она опасалась, как бы не отменили рейс на Москву — что в конце концов и случилось. Конечно, ее товарищи по несчастью были настроены более оптимистично и надеялись вылететь завтра утром, поэтому отправились на рынок запастись

дынями и виноградом, которые стоили здесь копейки. Причем торг шел на рубли или доллары, а местная валюта не котировалась даже у нищих, просивших милостыню в каждой подворотне.

Закрыв глаза, Ксения отчаянно боролась с захлестнувшей ее волной безысходности, грозившей перерасти в депрессию. «Ну и денек!» — подумала она с тоской и сжала виски ладонями. Двенадцать часов просидеть в аэропорту в ужасных, почти невыносимых условиях, чтобы услышать, что рейс на Москву, назначенный на утро, отменяется вовсе. А когда ребята попробовали забрать свой багаж, им сообщили, что его по ошибке погрузили на другой самолет и теперь никто на свете не знает, где его искать.

После этого она совсем озверела, но Володя мягко и спокойно посоветовал ей не кипятиться, сообщив, что подобные проделки вполне в духе азиатов. На самом деле багаж никуда не исчез, просто спецслужбы не успели его досмотреть как следует. Но через час-полтора все встанет на свои места: багаж отыщется в целостности и сохранности, а если и нет, то жалеть о паре трусов и маек особо нечего, потому что отснятые кассеты и камера с ними, а это главное.

Завершив успокоительную беседу, мужчины со спокойной совестью отправились на рынок, а Ксения решила дожидаться их в аэропорту. Через два часа она оставила для коллег ругательную записку в справочном бюро и, с трудом поймав такси, поехала в гостиницу. Было поздно, магазины и мелкие лавочки уже закрылись — в этих местах рано темнело, и в городе с восемью часами вечера действовал комендантский час.

Ксения даже не сумела купить смену белья, чтобы переодеться. Единственный выход, подумала она уныло, постирать белье самой в номере, если, конечно, будет вода...

Вздыхнув, она решила, что пора уже прекращать сидеть и просто так напиваться. Надо уносить ноги, пока окончательно не стемнело. На эту мысль ее натолкнули

откровенно наглые взгляды немногочисленных посетителей бара. Поначалу они не слишком ее беспокоили, потому что бармен знал, кто она такая, и местным орлам пришлось бы иметь дело с охранниками гостиницы. А они четко знали свои обязанности и выполняли их с откровенным удовольствием, особенно по части физического воздействия на не понравившиеся им физиономии.

Но сейчас другое дело. Она еще не сняла номер, да и командировка уже закончилась, так что бармен вполне мог посчитать ее птицей свободного полета и не обратить внимания на приставания местных красавчиков.

И нужно еще найти силы, чтобы встать, пройти через внутренний дворик в бюро размещения и заказать номер не только для себя, но и на ребят, которые могли вернуться с минуты на минуту. Как знать, может, и в этой новой комнате она опять встретится с тем же огромным тараканом, что жил с ней по соседству все ее командировочное время. Она даже пыталась его дрессировать, и кое-что получалось. По крайней мере, стоило ей постучать по столешнице, как таракан быстро выползал из щели в стене, приподнимался на задних лапках и приветственно шевелил усиками. Она подкармливала его крошками, пока Олег не убедил ее отказаться от такого альтруизма.

— Смотри, как бы он не привел на халяву всех своих друзей и знакомых. Гуманитарная помощь развращает, — изрек он назидательно, — а что касается тараканов, это вообще превращается в преступную акцию! Их надо давить, а не подкармливать!

Но все-таки это было живое существо. Ксения могла даже пожаловаться ему на кое-какие печальные обстоятельства своей женской доли и одиночество. Ксения кисло улыбнулась и допила коктейль. И неожиданно для себя — всю жизнь была сдержанной в том, что касается алкоголя, — заказала еще. Нужно ведь где-то черпать силы для предстоящей встречи с угрюмым администратором!

— Двойной, пожалуйста, — бросила она официанту, удивляясь собственной лихости.

— О, я вижу, наши напитки прилились вам по вкусу, — почти без акцента произнес по-русски толстощекий бармен и улыбнулся ей. Что, впрочем, не доставило Ксении никакого удовольствия.

— Ну, если честно, мне совершенно безразлично... — решила она поплакаться, но бармен уже отошел к другому посетителю.

Ксения постаралась сосредоточиться на мысли о том, что ребята так задерживаются по какой-то уважительной причине. «Возможно, решают проблему с утерянным багажом», — промелькнула вялая мысль, но это нисколько ее не обеспокоило. Она попыталась представить скорую встречу с Егором.

Наверняка он сначала затащит ее в постель, а потом уж начнет расспрашивать о поездке. Ксения невесело хмыкнула и закрыла глаза, отгоняя видение скользкого потного тела, которое навалится на нее, вдавит в матрац... Ее передернуло от внезапно нахлынувшего отвращения, но Ксения тут же заверила себя, что это первые признаки депрессии. В принципе ей было совсем неплохо с Егором, конечно, когда он бывал трезв...

— Добавить еще? — Голос бармена прозвучал прямо над ухом.

Он все-таки заметил, что Ксения выпила и второй бокал...

Разумеется, на этом надо остановиться. Никогда в жизни она не пила столь много за один вечер. Но что оставалось делать? Идти в убогий номер и, запершись в нем, созерцать грязные обои и давно не отремонтированный потолок? Или тупо уставиться в экран старого черно-белого телевизора и смотреть передачи местного телевидения, не понимая ни бельмеса? Или заново прокрутить в голове отснятый материал и еще раз убедиться, что дядя Фархат, этот строитель демократического общества, безбожно ее надул, утверждая, что предоставит полную свободу выбора объектов для съемок? Нет, та-

кие мысли только усугубят ее и без того отвратительное настроение, лучше хоть на время отключиться от проблем.

— Да, пожалуй, еще один бокал, — решительно кивнула Ксения.

Она почувствовала, как тонкий трикотаж майки прилипает к телу, а на лбу выступают капельки пота.

Духота становилась поистине адской. Достав из кармана брюк носовой платок, Ксения прижала его ко лбу. «Странно, — подумала она. — Я никогда не потела так сильно...» Впрочем, ее не зря называли «Леди Совершенство». Ксения никогда бы не позволила себе появиться в обществе плохо причесанной, небрежно одетой. И за это, как ей казалось, ее недолюбливали приятельницы и жены коллег.

Конечно, нельзя сказать, что они ее постоянно критиковали, скорее это можно было отнести к матери и Катьке, да еще к некоторым маминым друзьям, которые считали своим долгом постоянно напоминать ей о высоком предназначении журналиста, призванного сеять доброе, светлое, вечное, и предупреждать об искушениях и соблазнах богемной жизни, которую, по их стойкому убеждению, она вела.

Но в среде, где она вращалась без малого два десятка лет, мало кому нравился ее независимый характер и самостоятельность суждений. Отсюда и шуточки о ее дипломе с отличием, необыкновенной работоспособности и упорстве в достижении цели. А завистливые перешептывания об утонченной, даже изысканной внешности, стильных нарядах — этого хватало с лихвой, чтобы большая часть ее знакомых относилась к ней с заметной прохладцей, если не сказать с отчуждением.

И сейчас, сидя в дешевом баре, в богом забытой республике, на самом краю бывшей великой империи, Ксения вдруг ясно поняла, что, хотя у нее куча друзей, один из самых богатых и влиятельных в Москве любовников, блестящие перспективы в карьере и в личной жизни, а вот позвонить, чтобы рассказать, как ей оди-

ноко и тоскливо, — некому. Ни одного по-настоящему близкого человека... На всем белом свете...

В свои сорок лет здоровая, состоятельная, сделавшая блестящую карьеру на телевидении Ксения Остроумова чувствовала себя маленьким одиноким щенком, скулившим от полной безнадёги на крошечном островке посреди бурного потока, когда тебя вот-вот смоеет волной и потянет на дно, и не найдется ни одной руки, чтобы схватить за шиворот и вытянуть на поверхность.

Все больше впадая в отчаяние, она автоматически потягивала теплую пепси-колу с дешевым коньяком, чувствуя себя совершенно измученной и опустошенной.

Что с ней случилось? Почему она вдруг потеряла над собой контроль и так непозволительно расслабилась? Наверняка жара виновата... Но пора уже успокоиться и прекратить изображать слюнявую дуру. Слава богу, что она пришла в себя до возвращения своей съемочной группы. Что бы ребята подумали, увидев ее здесь, в этом жалком гадючнике, безобразно потеющую, пьяную, в отвратительном настроении, по уши погрязшую в жалости к собственной персоне?

Она никогда еще не позволяла себе до такой степени распускать нюни на людях. И даже наедине с собой не допускала подобных эмоций! К счастью, бармену, кажется, нет до нее дела, а трое посетителей в углу поглощены игрой в нарды...

Ксения всегда считала себя исключительно дисциплинированной женщиной, и потеря контроля над собой была для нее сродни стихийному бедствию. Только так — и никаких поблажек в оценке своего поведения!.. Она посмотрела на часы, но циферблат раздвоился. Тогда она перевела взгляд на стойку бара, но наткнулась лишь на грязное, треснувшее в нескольких местах и засиженное мухами зеркало. Взглянув в глаза собственному отражению, Ксения еще раз мысленно приказала ему взять себя в руки. Ей так необходимо вновь ощутить спокойствие и уверенность в собственных силах!..

И тут она увидела его. Точнее, не его, а его отраже-

ние. Оказывается, он все это время, не отрываясь, следил за ней. А она под воздействием коктейля из винных паров и духоты не сразу вспомнила, где и когда видела этого человека с темной, коротко стриженной головой, словно перечеркнутой ослепительно седой прядью...

ГЛАВА 2

Максим Богуш медленно брел по улицам Ашкена, чувствуя себя совершенно разбитым. Жаркий сухой воздух, как в сауне, обжигал легкие. Спасения не было даже в тени. Двадцать минут назад он отпустил водителя — хотел немного проветриться после долгого утомительного дня, проведенного в президентском дворце. Хотя прогулки по городу в преддверии комендантского часа были небезопасны, Максим понимал, что, оставшись он в машине, управляемой Рустамом, его подстерегали бы не меньше опасности. В бестолковости своего водителя он в полной мере успел убедиться за месяц пребывания в Баджустане.

Господи, какую адскую работу ему пришлось выполнить за столь короткий срок! Работая в одиночку — таковы были условия контракта, — он не только придумал, но и установил в президентском дворце систему охранной сигнализации, которая не имела аналогов в мировой практике и реагировала даже на пролет птицы, даже на возню мыши возле норки...

Сегодня он напоследок еще раз проверил свою работу — все блоки системы функционировали безупречно, да и специальная комиссия, принимавшая выполненный заказ, никаких претензий не предъявила.

Два часа назад ему передали конверт с очень приличной суммой — в долларах, естественно, — а также личное приглашение президента Фархата Арипова провести ночь перед отъездом в его дворец. Максим отказался — у него были свои планы.

В принципе он остался доволен собой — работу вы-

полнил быстро, качественно. И все было бы прекрасно, но... Он ни на йоту не доверял руководителю президентской службы безопасности Аликперу Садыкову. Слишком уж искренне тот заверял его, что завтра утром Максима отвезут на военный аэродром и спецрейсом отправят в Москву. Максим, усмехаясь, покачал головой: наверняка пришьют ночью в номере или придушат по дороге на аэродром.

Конечно, Богуш предполагал, что президент Арипов не позволит ему покинуть страну с ценной для российских, и не только, спецслужб информацией о тех мерах безопасности, которые президент предпринял для охраны собственной персоны. Поэтому Максим подстраховался. В частности, поставил в известность о своих подозрениях одного из сотрудников российского посольства, старого знакомого по КУОС¹ и по совместительству советника посла по культуре.

«Только бы крыша не поехала сегодня», — уныло подумал Максим и, сняв солнечные очки, задумчиво подышал на стекла. Затем протер их носовым платком, отметив между делом, что отражавшийся до сей поры в стеклах малоприятный тип, топавший за ним след в след с момента его прощания с водителем, уступил место субтильному юнцу с едва пробивавшейся бороденкой. Максим досадливо поморщился.

«Ну, достали!» — ругнулся он про себя. Даже в жару им нейдет. Никакого продыху! Не понимают, сволочи, что ему нужна хоть какая-то разрядка. После всей этой возни с президентской сворой ему безумно хотелось приличной компании, хотелось немного побаловать себя, испытать блаженство жизни, и Максим надеялся, что не в последний раз.

Без сомнения, гнусные происки Садыкова закончатся провалом. Богуш еще не до конца представлял, как выскользнет из рук этого мясника с сальными губами и

¹ КУОС — курсы усовершенствования офицерского состава.

крошечными глазками, почти невидными из-под тяжелых век, но точно знал две вещи: что уйдет непременно и что потом долго не будет носить опостылевший за этот месяц галстук, который прежде надевал лишь на похороны и свадьбы.

Ему не надо было успокаивать свою совесть. Он профессионал и сделал свое дело. И хотя потратил уйму времени и сил, чтобы защитить еще одного отщепенца — его жизнь, власть и богатство, — никаких отрицательных эмоций по этому поводу не испытывал. Он забыл о таких понятиях, как симпатии и антипатии, главное — выполнить работу хорошо. И Баджустан не стал исключением. По такому случаю Максим решил устроить себе небольшой праздник, для чего и отпустил машину пораньше, чтобы никто не помешал ему провести пару-другую часов в единственном приличном ресторане Ашкена — «Бартанге».

Он взгляделся в полумрак плохо освещенного помещения — на городской подстанции опять какие-то неполадки — и наконец увидел Анюту. Она сидела за столом с каким-то мужчиной, и настроение Максима неизвестно отчего испортилось. Впрочем, услышав ее знакомый теплый голос, он немного приободрился.

— Привет, Максим! Очень рада тебя видеть. Это Юрий Иванович Костин из Москвы. Он приехал ознакомиться с работой нашей миссии. Мы уже встречались в Таджикистане и здесь опять наткнулись друг на друга.

Максим стоял в нерешительности, ожидая, что Анюта извинится перед Костиным и расстанется с ним, но она этого не сделала, и он сел к ним за столик.

Костин внимательно посмотрел на него:

— Мы только что говорили о вас. Анюта рассказала, чем вы тут занимаетесь. Пытаетесь спасти жизнь президенту?

Максим неопределенно хмыкнул, посмотрел на Анюту, потом оценивающе — на Костина: выше среднего роста, крепко сложен, квадратное лицо, где очень даже неплохо совмещались крупный нос, тонковатые губы и

тяжелый подбородок с глубокой ложбиной посредине. Серые виски и пронизательные карие глаза сказали Максиму гораздо больше, чем простоватая улыбка нового знакомого, но свои догадки об истинных занятиях этого господина Богуш решил оставить при себе.

— Начнем с того, что мне глубоко наплевать на все, что вы об этом думаете. Я выполняю работу, выполняю ее за деньги, и делаю это качественно. Да, сегодня мой заказчик Арипов, но с тем же успехом я поработаю и на другого черномазого засранца, если он придет завтра к власти и заплатит мне не меньше.

Костин улыбнулся:

— Теперь все понятно.

Максим посмотрел на Анюту:

— Может, выпьем чего-нибудь?

Девушка рассмеялась:

— Сегодня хорошо идет мартини со льдом и тони-ком. Мы уже пару раз попробовали. Знаешь, совсем неплохо.

Максим постарался не показать, насколько ему не понравилась эта «пара раз», и как можно безмятежнее посмотрел на ту, что уже недели две считал своей подружкой.

— А ты в курсе, как на самом деле пьют мартини?

Она пожала плечами и ответно улыбнулась:

— Просвети, если не трудно.

— Мартини принято пить вдвоем, причем всего четыре раза: первый бокал стоя, второй — сидя, третий — под столом, четвертый — под хозяином.

Анюта и Костин расхохотались, но Максиму совсем не понравилось, как они переглянулись.

— Хотите, я покажу, как делается кубинский «Плайя-Хирон»? — Костин весело блеснул глазами.

— Ой, пожалуйста, вы рассказывали об этом в Хороге, но тогда у нас не было рома, — оживилась Анюта, и Максиму показалось, что она едва сдержалась, чтобы не захлопать в ладоши от восторга.

— Я тоже слышал об этом коктейле, — произнес он

подчеркнуто вежливо, — и считаю, что его достоинства сильно преувеличены. Предпочитаю водку или виски. Но если вам хочется, валяйте, я не возражаю.

— Говорят, у кубинок очень длинные стройные ноги, потому что они часто пьют ром. — Анята мечтательно вздохнула и остановила томный взгляд на Костине.

— Возможно. — Тот слишком пристально посмотрел на нее, и Анята порозовела, окончательно испортив Максиму настроение.

«Маленькая испорченная дрянь!» — подумал он, наблюдая, как Костин движением руки подзывает официанта. Похоже, у них все сладилось еще в Таджикистане. Конечно, он понимал, что Анята не невинная девушка, а с учетом своих внешних данных, да еще в условиях малочисленности женского персонала в международной миссии Красного Креста и Красного Полумесяца, где она трудилась переводчиком, было бы просто дико, если бы она не пользовалась успехом у мужчин. Но Максим все же не думал, что она так быстро променяет его на другого. Он окинул парочку быстрым взглядом. Похоже, они полностью поглощены друг другом и подготовкой к изготовлению коктейля.

Официант принес шейкер, а также все нужные для коктейля составляющие. Костин достал из нагрудного кармана блокнот и быстро произнес по-испански нечто рифмованное. Максим отвел взгляд. Костин смотрел на него в упор и, кажется, ждал ответной реакции на стишок. Не дождался и только тогда перевел четверостишие на русский:

*Кислому — доля,
Сладкому — две,
Крепкому — три,
Четыре — воде.*

И снова перевел взгляд на Аняту.

— Это, конечно, условно, но близко к истине. Кислое — лимонный сок, сладкое — сироп, крепкое — ром. Обычно я предпочитаю свой любимый, с Марти-

ники. Но сойдет и ямайский. Воду лучше взять минеральную, только несоленую. А пропорции, как вы помните, — в стишке.

Костин перелил полученную смесь из широкой серебряной чаши в шейкер и несколько раз энергично встряхнул его, потом разлил коктейль по бокалам.

При этом он загадочно улыбался и не сводил глаз с Анюты. Но тост произнес неожиданный:

— За двадцатое августа! — и, подняв бокал, подмигнул Максиму.

— Если вы когда-нибудь окажетесь на Антильских островах, Анюта, — процедил сквозь зубы Максим, — вам изготовят подобный коктейль в любом баре. Там столько рома, что за него даже не берут денег — только за лимон и сироп.

— Ты бывал на Антилах? — удивилась Анюта.

Максим не ответил, лишь поднес бокал к носу.

— Пахнет замечательно. Мулатками и кокосами.

Костин рассмеялся:

— А мне иногда кажется, что ром пахнет старыми валенками.

— Почему ты ни разу не сказал мне, что тоже умеешь делать этот коктейль? — Анюта с интересом посмотрела на Максима.

— Меня никто об этом не просил. — Богуш поднял свой бокал, не обращая внимания на соломинку в нем. — Двадцатое августа ваш день рождения, господин Костин?

— Будем считать, что так, — улыбнулся тот одними глазами. — Вижу, вы предпочитаете русские традиции питания. — И, не дожидаясь ответа, вытащил соломинку из бокала и сделал несколько быстрых глотков.

Максим последовал его примеру, но Анюта предпочла попробовать коктейль через соломинку.

— Замечательно, — воскликнула она восторженно, — очень вкусно и пьется мягко!

— Мягко-то оно мягко, но это крепкий напиток, —

заметил Костин, — нужно совсем немного, чтобы отключиться полностью.

— Что ж, хорошее начало для вечера, — улынулась ему Анюта. — Теперь даже ночной клуб покажется более привлекательным. — Она посмотрела на Максима: — Ты давно обещал сводить меня туда.

— Тогда нам придется остаться там до конца комендантского часа. Патрули никого не выпустят на улицу до утра.

— В компании таких мужчин любая ночь не страшна, — кокетливо повела глазами Анюта.

И Максим окончательно разозлился. И как ему не удалось сразу разглядеть в этой смазливой девице с яркими голубыми глазами самую обыкновенную шлюху, готовую броситься на шею любому, кто на этот момент выглядит более солидно и уверенно. Что ж, Анюта ищет приключений, и она их получит!

До наступления комендантского часа оставалось совсем немного времени, и они поехали в «Шехерезаду», единственный ночной клуб Ашкена, владелец которого, азербайджанец Аскер Масхатов, добился, наверняка за огромную взятку, разрешения работать в комендантский час, при условии, что его клиенты не будут шляться по ночному городу. До поры до времени ему удавалось соблюдать условия игры, тем более что среди заведомых клиентов клуба были оба сына и зять президента.

Они вошли в прокуренную, тускло освещенную залу. Из ее глубины кто-то помахал им рукой. К своему удивлению, Максим узнал Аликпера Садыкова в компании с незнакомым ему крупным человеком в светлом европейском костюме. Судя по тому, как дружно и быстро они на пару с Аликпером покончили с графином водки и потребовали добавки, незнакомец был не иначе как соотечественник Максима.

Им с трудом удалось отыскать свободный столик, покрытый несвежей скатертью. Аскер умело сочетал среднеазиатскую экзотику с минимумом услуг и самыми высокими в городе ценами. Но здесь была хорошая

кухня, неплохой выбор напитков и живая музыка, поэтому хозяину прощались и грязь, и запредельные цены.

Пока Костин делал заказ, достаточно свободно общаясь с официантом на его родном наречии, Максим пригласил Анюту танцевать. Раньше они с удовольствием танцевали друг с другом, но сейчас были слишком скованны и часто не попадали в такт.

Оба чувствовали напряженность и молчали. Первой не выдержала Анюта и, кивнув в сторону собутыльника Садыкова, спросила:

— Узнаешь?

Максим пожал плечами. В сущности, ему было все равно, с кем Аликпер надирается до поросячьего визга. И, судя по громким, пронзительным голосам, доносившимся со стороны столика, они были в двух шагах от цели.

— Ты не знаешь, кто это? — поразилась Анюта. — Это же Ташковский. Артур Ташковский. Писатель. Его все знают. Как-то раз мы летели с ним одним рейсом до Ташкента. — Она поморщилась. — Гадкая личность!

— Слышал о таком, — сухо произнес Максим.

Анюта права. Имя Артура Ташковского хорошо известно в России и даже за ее пределами. Само собой подразумевается, что он хороший писатель. Но Максим не читал его произведений и не мог об этом судить. Во всяком случае, критики считали Ташковского талантливым, и у Максима не было никаких оснований сомневаться в их суждениях. Он посмотрел на Анюту.

— Костин, по-моему, не кажется тебе гадким?

— Нет, он мне нравится. Из вежливых, приятных ти-хонь, но из таких, что себе на уме. Ты как считаешь?

— Где вы познакомились?

— Два года назад, в Таджикистане. Он приезжал в Хорог с комиссией ООН. Честно сказать, я так и не поняла, чем он конкретно занимается. — Анюта вздохнула. — Мы встретились с ним в «Бартанге» совершенно случайно, и он первый узнал меня.

— У вас был роман?